

Новое о Машхур-Жусупе

Правнук легендарного просветителя и философа Абай Шарапиев как-то показал мне мемуары академика Шафика Чокина с воспоминаниями о последнем годе жизни Машхур-Жусупа (1858-1931). Думается, читателям газеты, у которых переименование центральной улицы всколыхнуло интерес к его личности, будет любопытно узнать малоизвестные факты о старце, признанном при жизни святым.

«...Риза (старший брат Ш.Чокина) сообщил, что Машур-Жусуп Копеев объявил о своей предстоящей через год кончине и желании видеть сейчас же весь обряд собственных похорон. Звали его

казахи не иначе, как «Машур-Жусуп» («Машур» написано автором мемуаров, — А.К.), что в переводе означает «Знаменитый Жусуп».

Машур-Жусуп действительно был знаменит во времена, краешек которых посчастливилось и мне подглядеть. Трудно назвать что ни на есть самое главное из того, чем прославился Копеев. Поэзия, философия, этнография, теология, просветительство — вот основные точки приложения его огромного дарования.

Образное мышление, глубокое знание истории и культуры родного народа позволяли Машур-Жусупу опережать свое время лучше, чем кому-либо, проникнуться заботами и нуждами соплеменников. Персидским и арабским языками он владел наравне с родным. Знание языков помогало познавать духовное наследие народов Востока и место своего народа в мировом культурном процессе. Еще в Бухаре увлекся Машур восточной медициной, магией. В Туркестане, Ташкенте, Самарканде он продолжал исследование мало кому подвластного искусства. К магии Машура, вероятнее всего, тянуло из-за поэтической организации его души. Высокая поэзия сродни чудодействию.

Ценнее всего для меня в Копееве его главная декларация о нескончаемости жизни, философском бессмертии человека, неслучайном появлении всяк живущего на Земле. «Никто и ничто не уходит в небытие, — не раз повторял старец, — человек растворяется в потомках, в добродетелях и пороках, но он не исчезает. Он всегда возвращается, когда на земле вновь разгорается пламя войны добродетелей и пороков».

Ореол религиозного мистицизма, который и после смерти окружал его личность, не мог понравиться тогдашним властям, которые не нашли ничего умнее, как объявить, что Машур-Жусупа вроде как бы и не было.

В пастве своей Машур никого не выделял. Без его посещения не обходились ни одна радость, ни одна печаль в каждой семье. Среди земляков Машур безоговорочно слыл за мессию. Ничего удивительного не было в том, что все шаруа (крестьяне) с печальной обреченностью принялись готовиться к предстоящему через год исходу. И стар и млад предались безутешному оплакиванию старца. Сам Машур-Жусуп после объявления о предстоящей кончине взялся регулярно пить настой каких-то только ему известных трав. После смерти выяснилось, что таким вот образом он превосходно еще при жизни себя забальзамировал. Мне выпало участвовать в обряде символического погребения. Захоронение Машура, которое земляки воздвигли на его глазах, представляло собой небольшой мавзолей. Все было, по нашему мнению, скромно, без излишеств. По воле будущего покойника рядом с ним, в смежной комнате мазара, было устроено ночлежное место для паломников. Долгие годы после его смерти приходили из разных мест ночевать в мавзолею неизлечимо больные. Самое удивительное, гласила молва, это то, что ночевка в захоронении действительно избавляла некоторых паломников от мучивших их недугов. Что здесь от лукавого — судить не берусь. Слухи рождали легенды, легенды — надежды. Поток паломников к мазару Машура не иссякал, а наоборот — расширялся. Но в годы освоения целины один волевой и, видимо, не очень умный администратор, дабы прекратить паломничество, не нашел ничего лучшего, как распорядиться о предании земле тела Копеева...

Спустя время над погребенными останками был вновь сооружен мазар. В этом большая заслуга народного писателя Дихана Абилева.

А пока... Машур-Жусуп сидел на собственных поминках и слушал о себе в прошедшем времени слова о том, что он значил для земляков. Собралось много народу. Всяк входивший в скорбном молчании склонял голову».

Фото П.ОНОПРИЕНКО.